

УДК 316.4.051

М.П. Король

Идентичность россиян в контексте немарковской парадигмы

Аннотация:

Идентичность как социальная интегрированность, способная вызвать ощущение самоидентичности у народа, включает в себя временную характеристику. Каким образом можно определить хронологический вектор для идентификации россиян: в прошлом, настоящем или будущем? Поиск ответа на этот вопрос обращает к немарковской парадигме, постулирующей, что только системы с памятью обладают способностью к саморазвитию. Поэтому столь важно достигнуть внутреннего равновесия в триаде ценностей прошлого – настоящего – будущего.

Ключевые слова: идентичность, россияне, темпоральность, марковские процессы, немарковская парадигма, память.

Об авторе: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Реконструкция истории науки создает ее образ как объемный, многозначный и диалектический. Это свидетельствует о том, что способы получения знания в науке модифицировались на основе изменения общей структуры научной деятельности. Осмысление внутренней трансформации науки позволяет говорить о том, что на современном этапе развития формируется иной вариант ее бытия – нанотехнонаука [3]. «Речь при этом идет не о тотальном перевоплощении науки в какие-то новые формы, а, скорее, о возникновении внутри нее новых динамических констелляций, к которым переходит теперь функция «локомотивов прогресса» [2]. Вне всякого сомнения, что данными «локомотивами прогресса» выступает самоорганизующаяся система конвергентных технологий или hi-Tech.

В диапазоне hi-Tech находятся четыре ключевых направления современного научно-технического прогресса: нано-, био-, информационные и когнитивные технологии, которые обозначены в научной литературе собирательной аббревиатурой NBIC, что отражает их целостность и взаимообусловленность, поскольку открытия и достижения в одной из областей создают стимулы и условия для развития всех остальных, тем самым усиливая действия друг друга.

Однако внедрение hi-Tech имеет своим следствием интеграцию весьма противоречивых процессов, проблематизирующих многие аспекты социальной реальности, усложняя ее, создавая и одновременно разрушая на антропологическом уровне. Оказывая унифицирующее воздействие на антропологическую действительность, hi-Tech вызывают упрощение структурной организации социокультурных систем: у всех «один язык коммуникаций (основанный на упрощенном двоичном коде «цифровой культуры»); и единая мечта о жизни на «башне», поднимающей нас на недостижимую высоту научно-технического прогресса, о жизни, в которой средствами hi-Tech будут решены все проблемы» [8]. Этот эффект иллюзорности становится самой значительной угрозой для устойчивости и жизнеспособности всех социокультурных систем. Возникает кризис идентичности как некая «путаница самоопределений и смыслов жизни человека и его существования, но и смысла существования страны или того, какой она должна быть» [10, с. 397-398].

Отсутствие в научной литературе единой позиции по вопросу о сущности идентичности, открывает лабиринт трактовок данного понятия: через отношение человека к самому себе; через отношение между различными индивидами, группами; через принадлежность к некоторой объемлющей социальной общности, как, например, этнос, нация.

Поскольку «любая устойчивая идентичность является результатом выбора того или иного вектора идентификации и должна включать в себя осознанную или бессознательную

временную и динамическую характеристику этого выбора» [5], то представляется целесообразным рассмотреть феномен идентичности сквозь призму поиска ответа на вопрос: «Где начинаются истоки для формирования модели для идентификации как феноменологического переживания индивидом своей принадлежности или непринадлежности к общностям – в прошлом, настоящем или будущем?». Ведь «время – не космическая, чуждая человеку, равнодушная к нему субстанция. Оно имеет антропологическое измерение, существует лишь потому, что человеческий мозг способен его осознать и осмыслить» [4, с. 168].

Поскольку идентичность обладает *ценностной* определенностью и выступает как некая сфера сакрального, где человек соотносит себя с ценностями и смыслами источников своего становления, близкими его душе, то в центре нашего внимания будет именно аксиологический аспект прошлого, настоящего и будущего.

Если в качестве модели идентификации избирается прошлое, то история становится основным источником формирования идентичности. Модель для идентификации уже сконструирована, самое большее, что необходимо человеку, выбравшего ее – это строго следовать устоявшимся правилам и традициям. Но для россиян вопрос о том, какой именно конкретной временной модели необходимо следовать, представляется крайне сложным, поскольку «*нормальное развитие России систематически прерывалось*, она регулярно оказывалась в состоянии глубокого кризиса, для преодоления которого было необходимым ее возрождение» [6]. Только лишь в ушедшем XX столетии Россия, находясь в транзитном состоянии радикальных сдвигов, пережила несколько катаклизмов крушения социальных структур и ценностных императивов. Эпоха социальной революции начала XX века полностью упразднила систему буржуазных ценностей, которые только начинали ассимилироваться российским обществом: частную собственность, рыночные отношения, индивидуализм, демократические свободы, а также традиционные ценности культуры и религии. Закат старого порядка открывал перспективы творения нового порядка, которому принадлежало будущее на основе иных ценностей: коллективизма, равенства, справедливости, солидарности, общественной собственности.

Между тем, начавшаяся в середине 80-х годов XX века политика перестройки положила начало демонтажу уже укоренившейся системе ценностей. За быстрым информационным открытием общества и демократизацией его политических институтов немедленно последовал распад СССР – это было и геополитической, и социокультурной катастрофой, которая повлекла аномию 90-х. Так общество, потерявшее представление о культурных образцах, утратившее понятие о социально признанных идеалах, порывая со старыми отношениями, вновь открыло для себя перспективу формирования иной социокультурной реальности, основанной на ценностях «нового» российского капитализма: рационализме, либерализме, плюрализации форм собственности, включая легитимизацию частной собственности. Процессы были крайне болезненными и имели весьма неоднозначные результаты.

В попытках найти хронологический вектор для идентификации в обществе разгорается борьба за наиболее вдохновляющую версию прошлого. Однако возврат к прошлому может таить в себе угрозы усиления фундаменталистских установок, либо роста националистических устремлений и всплеска традиционализма, или романтизацию минувшего, что может привести к эрозии исторического опыта, перестающего быть основой идентификации. «Логика идентификации зачастую основывается на заведомо ложных посылах, а так как изо лжи может следовать все что угодно, то процесс идентификации будет осуществляться безупречно, но результат оказывается эфемерным и хрупким» [5]. Тогда модель для идентификации, формирующаяся на основе опыта прошлого, заменяется направленностью на настоящее – современность.

Однако и данный выбор весьма проблематичен для России. Модернизация российского общества в 90-е гг. XX в. повлекла трансформацию общественных отношений, с ярко выраженным радикальным характером, следствием которых стали глубинные стратификационные изменения. Ключевое значение в этих процессах приобрела приватизация, в ходе которой произошли стремительное расслоение общества, поляризация доходов, неправомерное обнищание населения с массовой нисходящей мобильностью.

Для осмысления новой конфигурации российского общества, возможно, следует использовать вариант дихотомии, т.е. простейшего расслоения социума на два крупных сегмента, где те противостоят друг другу как принципиально неравные. Привилегированные слои «наделяются различными эксклюзивными правами и льготами, защищающими их от рыночной стихии. В то же время массовые сословия вынуждены брать на себя растущие риски, бороться за выживание в условиях рыночной конкуренции и свертывания социального государства» [7]. В результате внутри общества создаются различные социальные пространства и сообщества, которым соответствуют разные ценностные императивы и моральные нормы. В обществе возникает латентное или явное противопоставление идентичности, как антагонизм частных интересов и мотивации, и общенациональной идентичности, особенно когда та находится в состоянии кризиса.

Эти процессы открывают для общества перспективу, лишенную оптимизма: вхождение в состояние системного конфликта. Уже сейчас в аксиологической проекции можно выделить целый ряд конфликтов современной России:

- конфликт между установками на социальную справедливость как «категорический императив» россиян и развитием социальной элитарности, усиленной культурным разрывом;
- конфликт между установками на формирование общественной морали и принципиально аморальными практиками патроната и коррупции в государстве и государственном бизнесе;
- конфликт между установками на создание прозрачного механизма меритократического отбора в государственный аппарат и государственный крупный бизнес и патронажными практиками, что усиливает некомпетентность управленческого пространства [1].

В этом кроется опасность роста числа недовольных своим местом в обществе и недостаточностью социальной мобильности, что влечет за собой обострение социальных противоречий. Представляется, что выход из данного положения может быть только один – различными способами сохранить видимость стабильности и не допустить никаких социальных катаклизмов. Но надо заметить, что стремление к консервации существующего социального порядка чревато стагнацией со всеми вытекающими для общества последствиями.

Тогда, может быть, в будущем скрыты идеальные истоки для формирования идентичности, ведь оно открыто, прекрасно и в нем возможно так многое?

Вместе с тем и данная модель скрывает в себе ряд деструктивных элементов, которые, как казалось, должны стать ее преимуществами: постоянная изменчивость, направленность на то, «чего нет», отрицательное отношение к наследию чуждого прошлого, невозможность создать устойчивый социальный контекст, который необходим для формирования непротиворечивой самоидентификации.

Человеку не хватает адаптивных возможностей, рождается страх перед будущим, во многом усугубленный процессами глобализации. Глобализация – сильнейшее испытание для национальной и культурной идентичности, поскольку в потоке быстрых перемен внешнее ускорение превращается в ускорение внутреннее, размывая сущность идентичности. Определяя идентичность как некую целостность и устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самотождественность, можно констатировать, что нарастающая скорость изменений глобализирующегося мира разрывает целостную ткань идентичности на микро- и макроуровнях в векторах различной направленности.

Попытка найти идеальный конструкт для идентификации в прошлом, настоящем и будущем показала, что доминирование одной из темпоральных компонент не способно обеспечить безукоризненный процесс идентификации, поскольку ориентация на прошлое может обернуться деградацией, приверженность настоящему – стагнацией, нацеленность на будущее – энтропией.

Анализ столь сложного вопроса о выборе модели для идентификации россиян заставляет обратиться к когнитивным практикам достижений современной науки. Новая парадигма научного стиля мышления, основанная на принципах постнеклассической рациональности, сформировала структурную перестройку науки с созданием крупных

интегративных узлов, концептуально объединяющих позиции наук об обществе и наук о природе. Данное состояние науки отражается в ее междисциплинарном и трансдисциплинарном измерениях, где успешно «работают» теория относительности, квантовая механика, теория элементарных частиц, синергетика, расширяющие наше понимание закономерностей окружающего природного и социального миров. Несмотря на все различия этих теорий, в них имеется единая основа — марковские процессы.

Еще в конце XIX века русский ученый-математик А. А. Марков стал пионером в открытии обширного класса стохастических (случайных) процессов с дискретной и непрерывной временной компонентой, названных его именем. Марковские процессы можно описать таким образом: следующее состояние процесса, его эволюция зависит вероятностно только от текущего состояния системы и не зависит от ее состояния в прошлом при $t < t_0$. Зная состояние системы в определенный момент времени, можно определить вероятностную картину поведения системы в будущем. Требование марковости представляется мощным практическим инструментарием в конкретных исследованиях в области физики, экономики, медицины, биологии, автоматике. «Однако в настоящее время в существующей марковской парадигме проявляется все больше рассогласований и трудностей. Основная причина – неучет памяти в марковском подходе, а ведь в биологии и в социальных явлениях память – необходимый обязательный элемент» [9].

Для изучения социального как мира сложности все более востребованной представляется немарковская парадигма, где память выступает важнейшим элементом – информацией, записанной в определенных структурах.

Теория немарковских процессов, описывающая изменение структур, учитывает память о прошлом. Возникает фактор воздействия на систему, обусловленный прошлым, так как память меняет взаимодействие в системе и в принципе может доминировать над диссипацией структур. Таким образом, процессами развития управляет не только внешнее воздействие, но и система памяти.

В русле марковского подхода общая направленность статистических процессов определяется вторым началом термодинамики, где невозможно круговое движение, единственным результатом которого является передача теплоты от менее нагретого тела к более нагретому. Это накладывает ограничение на направление процессов, которые могут происходить в термодинамических системах. Немарковская парадигма, также как и синергетика, постулирует принцип самоорганизации внутри структур и между структурами. Но главное, утверждается, **что системы с памятью обладают способностью к саморазвитию при неразрывной связи между прошлым, настоящим и будущим.** Следуя немарковскому подходу, можно констатировать, что в настоящем и будущем состоянии объективно проявляет себя «предистория», «отпечаток прошлого».

Рассматривая общество как сверхсложную систему, можно говорить о том, что на основе анализа немарковских процессов определяются два важных постулата для создания идеального конструкта идентичности россиян:

- в настоящем и будущем состоянии объективно проявляет себя «предистория», «отпечаток прошлого»;
- только системы с памятью обладают способностью к саморазвитию.

Итак, для формирования идентичности россиян, необходимо понять, что идентичность – одна из предпосылок социального конструирования реальности, а тем самым и ее развития. Развитие необходимо рассматривать не как отрицание каждого предыдущего шага последующим, а как некую целостность ее составляющих: начало, продолжение, традиции и перспективы. Традиции выступают несущей конструкцией, так как судьба любого народа обусловлена опытом прошлого, богатством культурного наследия, пониманием своей исторической миссии. В этой связи, и история дореволюционной России, и опыт советского периода с объективной оценкой его достижений и неудач – бесценное наследие россиян. Необходимо осознать, что самоуничтожение прошлого страны, ее народа, апологизация «избранных» периодов формируют у новых поколений нигилистическое отрицание исторического опыта, стирает память о прошлом, создавая нелицеприятный имидж собственной истории. Поэтому столь важно достигнуть внутреннего равновесия в триаде ценностей прошлого – настоящего – будущего. При всей разности своих величин, находясь в

определенном отношении друг к другу и к целому, они могут гармонизировать процесс формирования идентичности россиян. Безусловно, многое зависит от совокупности различных факторов в решении столь сложной задачи, но несомненно, что главная роль будет отведена национально-ориентированной культурной политике, предполагающей политическую волю и государственную активность в стратегиях созидания общества и страны, с которыми люди захотят себя идентифицировать.

Библиографический список:

1. Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликты и социальная стабильность в современной России [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 27-41. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1297&Itemid=44 (дата обращения: 15.09.2016).
2. Андреев А.Л. Технонаука // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2011. Вып. 16: Философия науки и техники. С. 200-218. URL: <http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps16/8.pdf> (дата обращения: 11.09.2016).
3. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Парадигма сложности и социогуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59-71. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1332&Itemid=52 (дата обращения: 5.10.2016).
4. Багдасарьян Н.Г., Король М.П. Социальное время современной России: многомерность или «калейдоскоп разорванных фрагментов» // Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 3(116). С. 166-174.
5. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Соблазны и ловушки темпоральной идентичности // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 115-126. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1457&Itemid=52 (дата обращения: 15.10.2016).
6. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические аспекты поиска российской национальной идеи // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 69-79. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1458&Itemid=52 (дата обращения: 15.10.2016).
7. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России // Вопросы философии. 2016. № 10. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1501&Itemid=52 (дата обращения: 25.11.2016).
8. Мелик-Гайказян И.В. Вавилонская башня – метафора о «семиотическом аттракторе» динамики hi-Tech // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 92–103. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps21_1/92%E2%80%93103.pdf (дата обращения: 10.11.2016).
9. Шелепин Л.А. Становление новой парадигмы // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2001. Вып. 7: Формирование современной естественнонаучной парадигмы. С. 24-41. URL: <http://iphras.ru/page47973143.htm> (дата обращения: 18.10.2016).
10. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 607 с.

Korol M.P. Identity of Russians in the context of a non-Markov paradigm

Identity as the social integration capable to cause a feeling of self-identity among people includes the temporary characteristic. How it is possible to define a chronological vector for identification of Russians: in the past, the present or the future? Search of the answer to this question turns to the non-Markov paradigm postulating that only systems with memory have ability to self-development. Therefore it is so important to reach internal balance in a triad of values of the past – the present – the future.

Keywords: identity, Russians, temporalnost, Markov processes, non-Markov paradigm, memory